

- взрослого человека выделялось 18 кв.аршин ($\approx 1,99$ кв.саженей или $8,25\text{м}^2$) жилой площади.
15. Цифру следует все же считать ориентировочной, т.к. она применяется к 160 домам, а статистические данные к началу 1920 года дают 266 домов.
  16. ГАВО. – Ф. 1001. – Оп. 1. – Д.399.
  17. Ориентировочная стоимость содержания муниципализированных домов см. подробнее ГАВО. – Ф. 67. – Оп. 1. – Д. 54. – Л.86; Д. – 27. Л. – 282.
  18. ГАВО. – Ф. 476. – Оп. 1. – Д. 40.
  19. ГАВО. – Ф.67. – Оп.1. – Д. 27.
  20. ГАВО. – Ф. 56. – Оп. 1. – Д. 156.
  21. ГАВО. – Ф. 1001. – Оп. 1. – Д.394.

НЕЛЕГАЛЬНЫЕ ВООРУЖЕННЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ В ПОГРАНИЧНОЙ ПОЛОСЕ ПСКОВСКОЙ И ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИЙ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

А.М. Егоров

Псков, Псковский филиал Академии ФСИН России

Революция 1917 года и последовавшая за ней гражданская война привели к образованию многочисленных вооруженных формирований, в т.ч. на стыке Псковской и Витебской губерний. Разгром и отступление в Прибалтику и Польшу белогвардейских сил еще не означали немедленного установления здесь общественного порядка и спокойствия. В начале 1920-х гг. здесь активно действовали различные нелегальные группы, мешавшие окончательному установлению советской власти. В борьбе с ними большевики активно использовали как силовые методы, так и контрпропаганду. В этой связи Северо-Западный Просветснаб тех лет чаще других получал от местных властей заявки на агитационные материалы по трем темам: «Балаховщина», «Савинковские банды» и, наконец, «Банды Оберона»¹.

Фигуранты первых двух советских контрлистовок – Булак-Булахович и Борис Савинков – были хорошо известны широкой публике. Меньше известна личность третьего фигуранта, использовавшего для прикрытия псевдоним «Оберон», как нельзя лучше отражавший конспиративный характер его действий. Между тем возглавляемое им вооруженное формирование серьезно осложняло оперативную обстановку на стыке Псковской, Смоленской и Витебской губерний, т.е. на современном российско-белорусском пограничье.

Начало активности т.н. Оберона связано с эсерами в 1918 году. После подавления эсеровского мятежа в Москве, последние решили перенести свою борьбу с большевиками на места. По заданию ЦК ПСР в Витебской губернии ими была начата подготовка к восстанию пограничных частей Красной Армии, дислоцировавшихся в Орше и Сенно. Выступление провалилось, а его участники рассеялись по окрестным лесам, добывая средства к существованию грабежами. Некоторые из них позднее стали активными участниками движения «зеленых», придерживавшихся принципа «ни с белыми, ни с красными».

Одновременно с этими событиями эсеры планировали крестьянское восстание в тыловых уездах Витебской, Смоленской и частично Псковской губерний. Центрами волнений должны были стать Поречье (Демидов), Велиж и, по возможности, Торопец. Но для подобного выступления требовались лидеры, в качестве

---

¹ Государственный архив новейшей истории Псковской области (ГАНИПО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 394. Л. 85.

которых попытались выступить бывшие офицеры, местные уроженцы, Михаил Анущенко, братья Жигаловы и Воронов-Богданов, а также школьный друг М. Анущенко – Игнатий Кулешов.

В августе 1918 года, еще до начала общего выступления, группа Жигаловых совершила налет на Косплянский волисполком, убив его председателя Прохорова и находившегося там в командировке члена Велижского уисполкома Красничева. Затем заговорщики провели еще несколько терактов против советских работников.

После объявленных большевиками учета и мобилизации бывших унтер-офицеров осенью 1918 года в лагерь Жигаловых прибыли первые 20 дезертиров, имевших достаточный уровень военной подготовки. Братья выдали им винтовки, захваченные в Косплянском волисполкоме, разбили на «пятерки» и поручили вербовать отряды местных крестьян. По схожей схеме создавал свое вооруженное формирование и Михаил Анущенко. В итоге вокруг каждого из главарей собралось от 200 до 1000 человек¹.

Сколоченные таким образом отряды обладали относительно четкой организацией и делились на роты, взвода и отделения. До назначенного времени восстания участники данных формирований находились дома. Их главными лозунгами являлись следующие требования: прекращение грабежа продотрядами, свержение большевиков и созыв нового Учредительного собрания.

Начало открытого выступления было обставлено с известной степенью традиционной официозности, призванной придать ему легитимности в глазах населения. Священники Сретенской и Чепельской церковью отслужили молебен, после чего отряд Жигаловых двинулся на Поречье, где к ним присоединилась группа милиционеров с тремя пулеметами и несколько сотен крестьян. Однако вскоре под давлением красноармейцев они были вынуждены изменить свой первоначальный маршрут и начали пробиваться в направлении Велижа, уже захваченного отрядом Анущенко.

Вскоре обе группировки были разбиты регулярными частями Красной Армии, после чего все крестьяне разбежались, а их руководители на время потеряли связь друг с другом. Подобие сопротивления попытались оказать лишь Кулешов и Воронов, которым удалось сохранить под своим началом 96 человек. На Усменском большаке они столкнулись с красноармейским отрядом и даже сумели его на время отбросить, но сохранить внутреннее единство не смогли. Рядовые участники последнего боя также разошлись по домам.

Инициаторам крестьянского бунта пришлось перейти на нелегальное положение. Жигаловы и Воронов скрывались у родных на севере Витебской губернии. Кулешов уехал в Торопецкий уезд тогда еще Псковской губернии, а оттуда перебрался в Новгородскую губернию. Дальше всех бежал Анущенко. Зимой 1918/19 года он объявился в Вологде, являвшейся в то время центром агентурной сети Антанты на севере Советской России, а затем добрался до Перми (как раз в период ее захвата Сибирской армией адмирала Колчака).

Казалось, что брожение в тыловых уездах Витебской губернии пошло на спад. Однако затишье оказалось обманчивым. В 1925 году следствие по делу Оберона отметило: «Ликвидация неудавшегося восстания и есть начало Велижского и Демидовского бандитизма»².

Начало советско-польского конфликта вызвало у бывших повстанцев наде-

---

¹ Егоров А. Мятёж // Российский исторический журнал «Родина». 2006. № 1. С. 84.

² ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 394. Л. 73.

жду на ослабление позиций большевиков по обеим берегам Западной Двины. К весне 1919 года в окрестности Велижа тайно возвратился Михаил Анущенко. Вслед за ним подтянулись и другие руководители прошлогоднего восстания. За короткое время заговорщики смогли объединить вокруг себя около полутора тысяч человек – в основном дезертиров, скрывавшихся от мобилизации в Красную Армию. Вожаки решили изменить тактику и перейти от открытых вооруженных выступлений к террору и диверсиям. Именно в это время Михаил Анущенко и скрылся под конспиративным псевдонимом Оберон.

После гибели старшего и младшего братьев Жигаловых, примкнувших к восстанию дезертиров Смоленской губернии, в руках Анущенко/Оберона оказалось общее руководство всей подпольной сетью. Территория вдоль Западной Двины была поделена боевиками на два оперативных района – Велижский и Суражский. Обособленное положение занимал Невельский боевой район, с которым поддерживались лишь эпизодические контакты. При руководителях районов находились небольшие штабы, которые координировали действия еще более мелких банд.

К середине 1919 года активность бандподполья приобрела серьезные масштабы. Они совершали нападения на совработников и коммунаров, грабили кооперативы, устраивали еврейские погромы. Обероновские боевики, как следовало из донесений компетентных источников, чувствовали себя хозяевами близлежащей округи, «окончательно терроризировав местную власть, вследствие чего все мероприятия власти не могли быть в достаточной степени проведены, что играло на руку кулакам, которые охотно поддерживали бандитов»¹.

Однако осенью 1919 года, после объявления очередной амнистии, произошел «сезонный» отток дезертиров из незаконных вооруженных формирований. Вокруг Оберона осталось не более двухсот сторонников. Подступала зима, и следовало подумать об убежище. Кое-кто из «зеленых» надеялся скрыться за кордоном, но большинство предпочло просто затаиться в лесах. Первых не выдержал и ушел в Польшу некто Фульгур, отряд которого занимал Будницкую, Вяменскую и Чепельскую волости. От него о существовании Оберона узнали польская разведка и савинковцы.

Весной 1920 года к Оберону со специальным поручением от Бориса Савинкова и 2-го (разведывательного) отдела Польского генштаба вернулся Фульгур. Поляки предложили поднять в Велиже очередное крестьянское восстание и помочь тем самым их наступлению на прилегающем участке фронта. Для уточнения позиций сторон было решено отправить к полякам трех парламентариев. В качестве посредника на переговорах выступил бывший офицер Булак-Булаховича Прудников, действовавший южнее сферы Оберона и имевший прямой канал связи через линию фронта. Около деревни Дубровно в Городецком уезде Смоленской губернии делегаты встретились с польским офицером Лешук-Комаровским, которого они проводили к штабу среднего Жигалова в Канищево.

У резидента имелось с собой полторы тысячи патронов и семнадцать ручных гранат. Этим иностранная помощь местным «партизанам» и ограничилась. При этом поляк пытался руководить отдельными вооруженными вылазками. Лешук-Комаровский лично организовал неудачное нападение на коммуну «Вашейка», а затем отправил с пакетом в Польшу жигаловского подручного Ордына. Но вскоре линия фронта стала отодвигаться на запад. Интерес к «партизанам» со стороны поляков автоматически упал. Лешук-Комаровский начал собираться в обратный

---

¹ Там же. Л. 74.

путь, предложив, правда, всем желающим следовать за ним. Желающих набралось десять человек, включая Александра Жигалова. Около деревни Пятинки все они попали в засаду красноармейцев и были убиты.

Из наиболее влиятельных фигур подпольного движения в строю остались только сам Оберон и его друг Кулешов, которые продолжали маневрировать в пределах Велижского и Демидовского уездов. Кольцо вокруг боевиков продолжало сжиматься. Фактически распалась суражская группировка. Ее главарь Волков пытался найти убежище в Литве и, в конце концов, перебрался в Польшу, где с помощью савинковцев получил денежное содержание для продолжения подрывной деятельности.

Летом 1921 года в Варшаве под руководством Бориса Савинкова прошел съезд Всероссийского союза защиты родины и свободы. На нем было принято решение об активизации диверсионной деятельности против большевистского режима. Среди вовлеченных в его подготовку оказались и эмигрировавшие обероновцы. В августе группа Волкова перешла советско-польскую границу, где произошло ее соединение с отрядами савинковской организации под командованием полковника Павлова, капитана Ярошевича и поручика Золина. Общая численность диверсантов достигла 500 человек. На территории Полоцкого уезда Витебской губернии они разгромили Воронический волисполком и устроили крушение поезда у станции Горяны. Но затем их дороги разошлись. Волков повернул в сторону Велижского уезда, куда вскоре прибыл и произведенный Савинковым в прапорщики Ордын.

Осенью 1921 года на ярмарке в селе Усмынь обероновцы обезоружили около 40 красноармейцев. На дороге из Усвят в Сураж они сожгли три автомобиля с хлебом, расстреляв всех находившихся в них пассажиров. В начале зимы ими был разгромлен Яновицкий винный склад. Перечень их акций можно продолжать довольно долго¹.

Помимо грабежей и убийств, сторонники Оберона пытались вести политическую агитацию. Летом 1922 года они связались со студентами Витебского сельхозинститута, пытаясь получить через них доступ к типографскому оборудованию. Последние передали в распоряжение Оберону шапирографную ленту и литографский камень. С их помощью Оберон даже печатал прокламации (например, воззвание «К соратникам-повстанцам»)².

По мере распыления подпольного движения действия его участников начали приобретать откровенно криминальный характер. Участились грабежи рядовых служащих (например, лесопромышленников «Двинлеса»), кооператоров и простых граждан.

В 1924 году Себежский, Невельский и Велижский уезды были переданы из Витебской в состав Псковской губернии. С этого момента проблемой Оберона вплотную занялся псковский отряд ПГО ОГПУ, имевший большой практический опыт борьбы с нелегальными вооруженными формированиями на северо-западном участке государственной границы. Одновременно ОГПУ был арестован Борис Савинков, что вполне могло подорвать моральный дух и окончательно дезорганизовать мятежников.

Осознав бессмысленность дальнейшего сопротивления Оберон начал запутывать следы. Он отступил в демидовские леса и выпал из поля зрения наблюдателей, подтверждая репутацию своего шекспировского тезки. Меньше повезло его

---

¹ Егоров А. Указ соч. С. 86.

² ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 213. Л. 21.

школьному приятелю Кулешову, мечтавшему уехать подальше от Псковской губернии. 15 января 1925 года он был арестован в деревне Синяково Торопецкого уезда. Вскоре чекистам попался его поделщик Чижев, возглавлявший с 1922 года одну из обероновских шаек. Последний намеревался бежать вообще в Ташкент. Предварительно он послал на разведку в Среднюю Азию свою любовницу Клавдию Емельянову, через которую его и задержали.

В мае 1925 года состоялся суд, проходивший в условиях повышенных мер безопасности. Это объяснялось тем, что по словам самих участников процесса «бандитизм в Велижском, Демидовском и других районах еще не совсем ликвидирован»¹. На скамье подсудимых оказались 56 мужчин и 5 женщин, большинство из которых обвинялись в пособничестве «зеленым». Среди пособников находились несколько членов РКП(б), сотрудник военкомата, народный следователь, заведующий земельным отделом, председатель волисполкома и некоторые другие должностные лица. Отсутствовал только сам Оберон.

ОТРАЖЕНИЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ИСТОРИЮ ЛАТВИЙСКОГО РЕГИОНА – ЛАТГАЛИИ

Валда Чакша, Инесе Бривере

Резекне, Резекненская академия технологий (Латвия)

Корни современных латгальцев начинаются с древних балтов, культурный ареал которых в эпоху раннего железного века занимал территорию между Вислой (запад), Балтийским морем (север), левым берегом Даугавы (северо-восток), верхней частью Оки и Десны (на востоке) и средним Приднепровьем (юг) [1, с. 56]. В период с 2-го по 8-ое столетие, когда славянские племена стали проникать на территорию балтов и отодвинули их на северо-запад, одна из групп вошла в нынешнюю территорию Латгалии с верховьев Днепра через Литву, и со временем создала про-государства латгалов Ерсикю, Талаву и Кокнесе, которые экономически и политически были связаны с Псковским, Новгородским и Полоцким княжествами. Как видно из старейших письменных источников (Повесть прошедших лет, Ливонская хроника и др.), в 11–12 в. латгалы населяли нынешнюю часть Латвийского государства в Латгале и восточную часть Видземе, а также часть территории современной Беларуси.

Тем не менее, о регионе Латгале в целом можно говорить только с 17-го века, когда, в результате войн между великими державами Швеции, России и Польши Латгале была отделена от остальной части латышских территорий как Inflantija (Ksiestwo Inflanckie), а после первого раздела Польши (1772) вошла в состав Российской империи в пределах Псковской губернии. Чуть позже Латгалию административно прикрепили к Полоцку (1796), а после внесли в Белорусскую губернию. В ходе дальнейших реформ Латгале стала частью Витебской (1802–1917) губернии. Таким образом, победители определили сепаратное развитие латгальцев и остальных латышей на несколько сотен лет, а католическая религия, которая укоренилась в Латгалии, углубила отличие с течениями лютеранской культуры остальной части Латвии. Поскольку деятельность иезуитов способствовала появлению Латгальской письменности, это стало одним из наиболее важных факторов

---

¹ Там же. Д. 394. Л. 83.